

ПЕТРУШКО Э. П.

Чеченские
ДОРОГИ

18+

Эдуард Петрушко

Чеченские дороги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44827588

SelfPub; 2019

Аннотация

Автор – участник боевых действий в Чеченской Республике, награжден правительственными наградами. Сюжет основан на реальных событиях и посвящен напряженному эпизоду обмена заложников во второй компании.

Содержание

I	5
II	7
IV	15
V	21
VII	32
VIII	39
IX	49

Память... Она никак не дает угаснуть воспоминаниям о минувших днях и годах. Случается, она цепко держит в сознании мельчайшие подробности событий, по тем или иным причинам запавших в душу. Так уж устроен человек...

I

Зал траурных церемоний из-за обилия облицовочной плитки напоминал станцию метро. Хоронили Колю Шкохина из группы «А», весельчака и балагура, с которым бегали вместе по горам, пытаясь навести «конституционный порядок» в Чечне. Всего лишь неделю назад нас с Колей награждало руководство страны. На фуршете делились планами и были счастливы, как младенцы. На следующий день он улетел в Чечню, а я остался писать рапорты и отчеты. Через два дня их разведгруппа подорвалась на фугасе. Двое бойцов погибли на месте, сильный Коля боролся за жизнь несколько часов.

Сейчас Шкохин лежал в гробу, уверенный и сосредоточенный, как будто собирался сказать что-то важное. Из динамиков, замаскированных под венки, раздавалась грустная мелодия.

Да, Колян, не выпьем мы у тебя на даче водки в Мичуринске. Сошлись мы с ним на том, что он был родом из Мичуринска, откуда моя супруга. Болтали, обсуждали общих знакомых и планировали посиделки с шашлыками возле реки Воронеж. Не вышло...

Рядом стоял его близкий друг – Олег Семенов. Одет в серый костюм, в черной рубашке, с расстегнутым воротом. Его

слегка неопрятный вид, вечно угрюмое лицо сразу говорили о том, что он холост и живет один. Именно он должен был идти в дозор вместо Коли, но прихватил желудок. Судьба Семенов достал носовой платок и убрал слезу с лица, побитого осколками.

День, и без того мрачный, нахмурился еще более, облачная занавесь задернула все небо, тяжело упали первые дождевые капли. Казалось, сама природа плакала...

II

Лететь на Кавказ не хотелось, это не пиво возле моря пить. Хотя море там есть – Каспийское. Точнее, не море, а большое озеро. Отчасти из-за него и заваруха в Чечне. Платят арабские страны наемникам немалые деньги, чтобы Россия нефть не качала на Каспии. Хотят они, хоть тресни, раскачать ситуацию на Кавказе и создать там исламское государство. Так сказать, недобросовестная конкуренция. Ничего личного – это бизнес.

Хочешь не хочешь, а лететь придется. Особо к нашим личным желаниям и настроениям никто не прислушивался. Нас – это опера из Службы по борьбе с терроризмом. Контракт подписан, если заартачишься, устав от командировок, могут отдать приказ, а дальше – увольнение.

Шла вторая чеченская кампания. Шамиль Басаев и Хатаб резвились как лисы в курятнике, точнее, как волки в овечьем стаде. Положили «прибор» на так называемого президента Масхадова и Хасавюртовские соглашения, собрали несколько тысяч боевиков и решили устроить полномасштабную войну в Дагестане. 7 августа 1999 с территории Чечни было совершено массированное вторжение боевиков в Республику под общим командованием кровавого дуэта, щедро финансируемого арабскими шейхами.

В ответ наш «вечно пребывающий в хорошем настроении» президент подписал указ «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации». И опять – двадцать пять. Понеслось – взятие Грозного, зачистки, 200-ые и 300-ые. Прямо де жа вю. Только воевали пограмотнее, чем в 95-ом, да пацанов в бой не посылали.

К началу 2000 года боевики теряли контроль над большей частью территории республики и очень нервничали по этому поводу. Очень им хотелось прорваться через Аргунское ущелье и уйти в Грузию или Ингушетию. После взятия Грозного боевики рассыпались горохом по горам и лесам, попрятались в родовых селах. Почти всю равнину контролировали федералы. Но контроль был условный. Работы хватало всем войскам и службам, а тем более – кому сам бог велел – то есть нам.

Летим вдвоем с Димой Рыжковым, правильным офицером с аккуратной светлой прической и всегда ухоженными руками. Он старший. Совещание перед вылетом. Оперативных задач много: сбор информации, передача агентуры на связь, охота за лидерами банд формирований, пленные, обмены. Получаем данные о захваченных вертолетчиках, которые находятся то ли у Бараева, то ли у Гелаева.

– Арби Бараев, тейп мукалой, родился в 1973 году в бедной семье в селе Алхан-Кала неподалеку от Грозного. Роди-

тели умерли рано, есть четыре брата, сестра. После смерти отца его дядя устроил Бараева в ГАИ в звании старшины. Участвовал в обеих кампаниях. Дослужился до бригадного генерала, – бубнил перед вылетом полковник Никонов, крутя в аристократической бледной руке карандаш.

Все это мы и так знали – фигура Бараева была фактически одиозной. Псих и маньяк – сам убил и замучил сотни человек. Практически первое лицо по похищению заложников в Чечне. У него даже тюрьма своя была для заложников. Его хотели замочить все – и свои, и чужие.

– Какие данные о его местонахождении в настоящее время? – спрашивает Рыжков, делая вид, что внимательно записывает давно известные факты о полевом командире.

– Отсиживается в родовом селении Алхан-Кала с десятком приближенных. Возможно, кто-то из служб имеет с ним контакт, уж больно долго его никто не может прихлопнуть, – медленно говорит полковник и надолго задумывается. Через несколько минут встрепенулся, как заснувший воробей, и продолжил, – ксивы у него разные, меняет внешность и транспорт. Никонов был сдержан в своих чувствах, говорил только по делу, без не шуток и отступлений.

– Живучий он, – говорю я, – и везучий. После расстрела в Грозном и почки у него нет, и селезенки, половину желудка и часть легкого удалили, а выжил. Прямо Терминатор! Бараева так иногда и называли – Терминатор.

– Да-да – никак эту собаку никто не припаркует. Ну о на-

ших летчиках-вертолетчиках. Просил за них сильно сам глава ВВС. Так что поспешите! Решение Верховного суда об освобождении брата Бараева – Вахи, который находится в СИЗО Нальчика, получите завтра. И меняйте! Есть контакт с Бараевым через некоего прапорщика. Проверьте информацию. Понюхайте этого вояку, откуда он знает Бараева, – полковник снова впал в ступор, смотря на карту Чечни. Я знал, что в первую компанию здорово досталось полковнику, в голову прилетело. Хотели уволить, но пожалели.

– А что это за фрукт такой – прапорщик федеральных сил, который водится, если не с самим Бараевым, то с его окружением? – осторожно спрашивает Дима, выводя полковника из очередного ступора.

– Вот съездишь и узнаешь, – лаконично отвечает Иванов. – Если вертолетчики, у него плохо дело, – говорит он и опять замолкает, читая какую-то сводку.

Как Терминатор расправляется с заложниками, за которых не платят, мы хорошо знали. Четирем иностранцам-инженерам, похищенным в 1998 году, Бараев отрезал головы. Паршивое дело. Сами головы англичан собирали вдоль дороги.

III

Внуково, комната 36, пьем чай с провожающими операми. Они провожают и встречают командировочных из Чечни. Информации у них много, интересуемся, что говорили

последние группы, прилетевшие недавно.

– Бараев сейчас в Алхан-Кале, – уверенно говорит высокий худой, как шомпол, Игорь. От него разит перегаром, работа у него такая – встречи, проводы. Он у себя раненый в селе лежит. Но его не взять. Все просматривается, везде свои люди. При подъезде техники – растворится как мышь в кислоте.

– Откуда инфы? – интересуюсь я, прихлебывая чай.

– Да, вчера трех встречал, – важничает Игорь и лезет в сейф за водкой. Сейф большой как шкаф. Со спины заглядываю внутрь. Из документов – две тонкие папки, несколько бутылок из дюти фри и пустые пыльные полки.

– Из какого управления? – спрашивает Дима Рыжков. Игорь наливает водку и молчит. Правильно. По приказам опера, сидящие в кабинете, не должны знать, что делает «сосед по парте», а тут такие некорректные вопросы.

– Будете? – интересуется Игорь, протирая стаканы. Рыжков пьет мало и по делу. Я бы вмазал, но неохота дышать на встречающих в Дагестане оперов свежей сивухой. Отказываемся.

– Ну как хотите, – говорит Игорь и ловко заглывает стакан. Крякнув, элегантно закусил кусочком сахара. Мне бы с вами. Охота делом настоящим заняться, – говорит он и наливает себе еще.

– Так переводись, что ты тут водку хлещешь? Наслушал-

ся, посмотрелся, это больше, чем в Академии отучиться, – вяло отвечаю и смотрю на взлетно-посадочную полосу. На ней стоят большие, как динозавры, самолеты, сверкая краской. Солнце необычно яркое для ранней весны, слепит глаза. Дима потянулся и зевнул:

– Ну что, Игорь, вези! – говорит он и поправляет пистолет. Игорь на служебной Ниве доставляет нас к трапу самолета и ведет в конец салона на последние места. Обнимаемся. Провожающий, уходя, неловко нас перекрестил.

– Во работа! – говорю, устроившись в кресле. – Есть одна опасность – спиться. Подъезжает автобус, начинается посадка основных пассажиров.

Через два с небольшим часа встречаются прямо на летной полосе темноволосые ребята из дагестанского управления и везут сразу в санаторий «Каспий». У нас в командировке никаких начальников, задачи получены, ответ только перед центром. Мне нравится этот момент в точечных выездах на Кавказ. Едем и болтаем с местными операми о шашлыках из осетрины и коньяке. Они лишних вопросов не задают, знают, что ничего не скажем. И помощи нам от них никакой не надо – в нашем распоряжении два десятка крепких ребят из подразделения «А», постоянно дислоцирующегося в Дагестане.

Располагаемся в больших просторных номерах. Очень прилично, здесь летом аншлаг – семьи, дети, любовницы – как курорт. Да он есть курорт, только через 100 километров, на границе с Чечней идет война. По коридорам ходят редкие

отдыхающие – не сезон.

Выхожу на балкон, смотрю на море. Оно мутное и неспокойное, будто волнуется за свой неопрятный вид. Чайки закладывают пируэты на сильном ветре и неприятно галдят.

– Пойду искупаюсь, – говорю Диме и переодеваюсь в спортивный костюм.

– Не околеешь? – спрашивает Рыжков, пряча автомат под кровать.

– Нет, всю зиму моржую, – и выхожу в коридор. Действительно, раз в неделю бегаю к озеру у себя в митинском лесу. Там большая прорубь, где регулярно собираются моржи. Забавная публика – от детей до пенсионеров. Своя жизнь, своя философия.

Подход к воде каменистый и скользкий. Как здесь народ летом купается? Шумные волны неприветливо отбрасывают назад. Чайки кружат и верезжат как резаные, как будто лезу в их сад черешню воровать. Оттолкнулся от большого скользкого камня и поплыл. Ледяная вода приятно обожгла тело.

Вечером на нашей «Волге», на которой будем месить дороги Чечни, едем в местное кафе. За рулем Дима, я не мастер водить механику. Знакомая официантка-дагестанка радуется нам, как дальним родственникам. Зовут ее Алена, по крайней мере, мы ее так называем – крашенная блондинка с золотыми зубами, выглядит нелепо, как танк в цирке. Алена искренне-доброжелательная. Понимает, что мы здесь де-

лаем. После вторжения боевиков в Республику дагестанцы настороженно относятся к чеченцам и любят федералов.

– Вам, как всегда, порцию баранины и осетрины? – спрашивает Алена, сверкая зубами и разглаживая невидимые складки на фартуке.

– Да, и 250 Кизлярского, пять звезд, – скромно добавляю я, располагаясь на деревянной лавке. Кафе простенькое, придорожное, бомжеватого вида, но кухня изумительная. Цены на еду смешные, осетрина от браконьеров, бараны с гор. Все свежее и вкусное. Молча ужинаем, Рыжков не пьет, я же под такую закуску беру себе еще 100 коньяка. Ди-ма замечает:

– Завтра рано вставать, – и аккуратно складывает бараньи косточки в тарелку. Заказываем чай.

IV

Утро. Темно-акварельное небо постепенно светлело, наливаясь нежным стыдливым румянцем, а нам ехать на войну. Не в окопы, конечно, а так – шарить вдвоем по Республике Чечня. Но тоже на айс – и свои и чужие могут шамальнуть. Особенно боимся пьяных наших. Во второй войне на блокпостах стоят контрактники, не мальчишки, которые в 1995-96 гг. Грозный брали. Те вообще безбашенные были. Напьется детвора дешевого спирта – море по колено – палят вокруг. Сейчас повзрослей парни, но тоже могут пригубить, тогда им по фигу – из ГРУ ты или ЦРУ.

Пересекаем усиленный блокпост между Дагестаном и Чечней. Длинная очередь из машин. В основном пожилые мужики и женщины с детьми. Котомки, у кого куры в салоне, у кого грудные младенцы. По обе стороны административных границ – родственники. Вот и ездит народ туда-обратно, а ОМОНовцы их трясут как сито.

Объезжаем длинную очередь. Вояка, проверяющий документы, недовольно глянул в нашу сторону. Оно и понятно: мы в камуфляже, без знаков различия, повесили себе черные номера на «Волгу» и прем под самый шлагбаум. Ну и что, что номера военные, их любой может повесить. Цена номера в Чечне – 1 тысяча рублей. Дима выходит, показывают про-

пук, ОМОНовцы быстро поднимают шлагбаум.

Прем по Самашкинскому лесу, вроде территория наша, но притопили. Хотя как притопили – везде ямы от вертолетных ракет, просто побыстрее начали их объезжать. Вертолетчики – милейшие ребята. Могут увидеть одинокую «Волгу» и зайти на боевой. В основном шутят. Но нам не до шуток и стреляем определенного цвета ракетой вверх – обозначаемся, что свои.

Впереди силуэт – кто-то стоит у дороги. Что-то сжалось в груди. Смотрю на незнакомца, взяв автомат в руки. Человек одет в черные лохмотья, голову покрывал старый платок. Женская или мужская эта фигура – разобрать невозможно. Снимаю автомат с предохранителя. Обошлось – проезжаем мимо. Выдохнув воздух, спрашиваю у Димы:

– Что это было? – и оглядываюсь назад, чуть не выворачивая шею.

– ХЗ, отголоски войны – сошедшие с ума, бродяги, – отвечает он. – Ты окно открывай в таких случаях, тем более что он с твоей стороны стоял, издалека видно.

– Кто нас поливать будет, того не увидим! – огрызаюсь я, ставя автомат на предохранитель.

Смотрю на мелькающие деревья и думаю, когда конец-то. Вторая кампания. Вторая война. Народы воюют и воюют, ожесточаясь и сатанея в обоюдной ненависти. Мертвеют людские души. Ни Коран, ни Библия, никакие кодексы не могли остановить тех, кто залил свое сердце кровью. Мно-

го тех, кто уже не мог остановиться – жег, разрушал, убивал напрапалую, бессмысленно, без жалости, без счета. Я знаю таких несколько человек.

Очередной блокпост на территории Чечни. БТР теплый от вставшего солнца, пыльный, похож на сторожевого пса. КПВТ устало смотрит в сторону гор. Здесь не Дагестан – напряжения и осторожности побольше. У бойцов по два магазина «валетом», перемотанные изолентой. На малой скорости подъезжаем к посту, Дима аккуратно выходит и идет к ОМОНовцам, те приподняли автоматы – не в грудь, конечно, но обозначились.

Что-то не понравилось военным, и Диму отправляют к старшему, находящемуся в блиндаже. ОМОНовцы одеты во что попало: на ногах кеды, какие-то морские тельняшки – у кого черного, у кого синего цвета. Один в темно-синей майке «Адидас». Димы долго нет, выхожу из машины. Повсюду казалась угроза. Почему-то кругом не было видно ни птицы, ни зверя, ни даже мошки. Только ветер гулял между соснами, да пожухлая трава шепотом поведывала какую-то тайну. Возвращается Рыжков.

– Что? – и тушу бычок сигареты ногой.

– Да они неделю назад бойцов пропустили по поддельному пропуску, те на следующем посту перестрелку устроили. Вот теперь с лупой документы смотрят. Помолчав, продолжил: – Какая там лупа, капитан бухой, как бомж, просто понтуется. Он даже пропуск не посмотрел. Говорит, что кругом

боевики, типа, куда вы претесь.

Достаю РПГ с разгрузки и кладу в бардачок. Изображая равнодушие, зевнул. «Волга» подпрыгнула на ухабе, я клацнул зубами – Джеймс Бонда изобразить не получилось.

Опять влетаем в какой-то густой лес. Деревья не подавали признаков жизни. Лес похож на здорового аллигатора, затаившегося в болоте и ожидающего неосторожную газель, чтобы схватить за горло и сожрать. Такой антилопой сегодня могли оказаться мы. Дима летит под 80 км – на скорости сложнее попасть в машину. Дорога на удивление ровная.

Через час подъезжаем к населенному пункту Серноводское. Казалось, вот она, мирная жизнь: по шоссе снуют автомобили, стараясь быстрее заехать в город, женщины с многочисленными детьми, придорожное кафе. Но спокойствие было обманчивым. Где-то рядом бахнул артиллерийский выстрел, и тут же замолкли птицы, и народ начал двигаться быстрее, оглядываясь по сторонам.

Встречаемся с источником – чеченцем. Вроде с нами, а вроде и с ними. Вижу его второй раз и удивляюсь: обычно он, даже уходя в себя, оставался чутким, как лесное животное. Обладает чудовищной силой: скручивает в узел гвоздь толщиной с палец. Немногословный, в глазах лед, непонятный, опасный. Вроде проверенный: давал серьезную информацию, которая находила свое подтверждение, а сегодня, фиг его знает, что у него на уме. Хорошо, что в городе встречаемся, хоть в заложники не возьмут. Доверия у меня к нему

– как у кефира жирности.

– Ничего интересного вам не скажу... Все бойцы в горах. Пытаются уйти через Аргун в Грузию. А кто домой вернулся, прячутся, как мыши, никому не верят, только семье. И ваши здесь работают. Я смотрю на него долго и внимательно. По лицу понять ничего не могу. Ежедневно хитря, живя между двух огней, боясь быть обманутым, он научился убирать с лица малейшее отражение своих переживаний и мыслей.

– Так что зря приехали, – подытожил источник и крепко зевнул, прикрыв рот ладонью.

– Контрольная встреча, чтоб не забывал, – сказал Дима и встал из-за стола. Пожав руки, попрощались.

Выйдя на улицу, испытал облегчение – тяжелый человек. Как будто без воздуха в цементной бочке сидел.

– Что-то он мутит: то с ними, то с нами. Кто город держит, на того и работает, – говорю я Диме, рассматривая местные придорожные кафе, сколоченные на скорую руку из досок. Рыжков ничего не отвечает. Обедаем в одном из таких «заведений». Чеченки вежливо обслуживают, ведь деньги в основном только у федералов.

Заехали в местный отдел, который расположился в здании бывшей Администрации. Над дверью дырки от пуль, кирпичи побиты осколками. Начальник отдела – Владимир из Тулы, симпатичный, наверное, при нем женщины тают, как мед, рассказывает:

– Только прибыл, принимаю дела. Обстановка более-менее спокойная. Агентура пустая, информацию дают туфтовую, только чтобы 9-ку получить (денежное вознаграждение). Основная задача: чтобы опера не сперли на встрече с источником. Поговорив еще полчаса, выходим из Управления и едем в гостиницу. Служащие и гости гостиницы с интересом рассматривают заселяющихся зеленых человечков. Дверь припираем стульями, автоматы возле кровати.

Снится сон: иду я по неизвестному лесу. Воздух пахнет разнотравьем, спокойствие и нежное дыхание вечности. Неожиданно на тропинке стоит волк – крупный, матерый, с сединой на блестящей густой шерсти, толстой холкой и желтыми умными глазами. Долго смотрим друг другу в глаза, хищник резко скрывается в чаще...

V

Громкие призывы муэдзина выдергивают из липкого беспокойного сна. Выезжаем из города рано – делов по горло. Первый вопрос – это артиллерийская воинская часть в предгорном Шалинском районе. Там служит прапорщик или старший прапорщик Снопок Николай Иванович, который знает окружение полевого командира Бараева и готов оказать помощь в обмене заложников – тех вертолетчиков, о которых нам говорили на совещании. Три вертолетчика – на брата Бараева. Вот такой планируется расклад.

Арби Бараев прямо «карьерист»: из постового ГАИшника за пять лет – в генералы. Правда, в настоящее время он разжалован Масхадовым в рядовые, а его «Исламский полк особого назначения» распущен. Однако это не мешает отъявленному головорезу иметь свою банду, тюрьму и информаторов. Живет себе спокойно, вон шестой раз женился практически на глазах у федералов и коровников. Шикарная свадьба была в Алхан-Кале. Матерый, безжалостный, страшный волк.

Изначально все странно. Прапорщик этот, уроженец Белоруссии, живет в каком-то селе в Курской области. По информации, воевал в первую кампанию, награжден, знает че-

ченский язык. Выводил мирные колонны из-под обстрелов, на том и сблизился с чеченцами. Снопок водит знакомство с разными тейпами и имеет выходы на семью или окружение самого Бараева.

Мысли прерывает мчащаяся на встречу колонна БТРов. Водители чудом угадывают дорогу. Мы съехали на обочину – от греха подальше. Солдаты в бушлатах, стараются укрыть автоматы от грязи и дождя, затыкают стволы бумажными пробками.

Наконец-то добрались до части, где служит Снопок Николай Иванович. На въезде в подразделение бетонные плиты шашечками, между ними дорога змейкой. После серии терактов, когда начиненные взрывчаткой грузовики прорывались, вояки научились закрываться от смертников. Заезжаем внутрь, идем в штаб и ищем прапорщика Снопка.

Через несколько минут приходит прапорщик, кстати, старший прапорщик как будто нас ждал. Из особых примет ничего, кроме жидких усов, среднего роста, незапоминающееся лицо. Поздоровались, он по-армейски – «здравия желаю», понимает, что офицеры приехали, хоть и без знаков отличия. Разговаривать негде, штабной вагончик полный. Вышли на улицу. Задаем вопросы: откуда информация, что вертолетчики находятся у Бараева, степень ее надежности.

– На войне надежности нет. Но мои люди говорят, что готов Бараев своего брата Ваху на трех летчиков поменять. Брат-то его у вас? Вопрос игнорируем, продолжаем рас-

спрос.

– С кем контактируешь из окружения Бараева? Где будет обмен? Какие гарантии, что это не засада? – наседаю я.

– С кем контактирую, вы их не знаете, – прапорщик замолчал, глядя на пролетающую ворону. – Вы даже не представляете, сколько я мирных чеченцев вывел и спас от наших срочников и вертолетчиков, – сотни! Меня до сих пор благодарят. Вот и есть небольшое доверие. А где обмен, чего и как, не говорил. Брата-то Бараева я не видел. Че попусту языком трепать!

Рядом охнуло так, что я присел. Казалось, взорвалась авиабомба. Воздух стал, как темный мед. Холодная пудра испуга покрыла мое лицо. Прапорщик стоял как ни в чем не бывало и с невидимой усмешкой смотрел на мое лицо.

– Тяжелая артиллерия за горкой бьет, – спокойно говорит он и закуривает. В душе он явно издевался над моим испугом. Вон на танк залезь, всю батарею будет видно!

Залезаю на стальную громадину, посмотреть, откуда бьют пушки. Орудия совсем близко, они судорожно подпрыгивали, с болью оглушающе харкали и плевались длинными кусками огня и раскаленными воющими сгустками стали. Неумело спускаюсь вниз, опять вижу насмешливый взгляд прапорщика.

– Пошли, где потише, чаю попьем! – предложил Дима. Снопok повел нас в свой вагончик. По-хозяйски зашел и попросил всех выйти. Встали и вышли даже младшие офице-

ры – в авторитете наш прапор. За чаем Рыжков рассуждал и философствовал:

– По Корану, чеченцы освобождаются от моральной ответственности за обман “неверных”. Например, попав в трудное положение после поражения от русской армии, Шамиль Басаев поклялся на Коране, что прекращает борьбу. Но Шамиль не только пренебрег своей клятвой, но продолжил войну и грабежи. Так и нас могут вжарить. Что думаете, товарищ старший прапорщик?

– Мне на Коране никто не клялся и на Библии тоже, но этим людям я верю, хоть они и чеченцы, – спокойно возразил Снопок, грызя бублик. Где брат Басаева? Что-то насто-раживало в этом прапорщике: то ли его постоянные вопросы о брате полевого командира, то ли его дружеские контакты с боевиками.

– Брат в тюрьме в Нальчике, за ним еще ехать надо, мы его без проверки не привезли бы, – ответил Рыжков и посмотрел в мутное окно вагончика, обделанное мухами. За окном кипела военная жизнь: офицер материл срочников, которые таскали ящики со снарядами.

– Ну проверяйте, привезете – поменяем! – каким-то игрушечным голосом закончил беседу Снопок. Там ребята мерзнут на улице. Мы дружно встали из-за стола и попрощались.

Едем, точнее, идем в нашу военную контрразведку, которая расположена тут же. Военная контрразведка выявляет предателей и прочие преступления в ВС. Ее не любят и бо-

ятся. Если не боятся, то остерегаются. Снопок, видя, как мы заходим в вагончик контрразведчиков, сплюнул и пошел по своим делам.

Хотим мы поспрашивать насчет нашего героического прапорщика. В вагончике на стенах карты, наглядный плакат с разобранным АК, на видном месте портрет Верховного Главнокомандующего с пронизывающим взглядом. Опера опрашивают мохору (пехоту). Нам машут рукой, садитесь, мол, секретов нет. Садимся на ящики из-под снарядов. По ходу допроса понимаю, что пехота дня три назад обнаружили снайперскую лежку, по всем признакам – женщины. Рядом нашли спрятанную СВД. День бойцы в засаде прождали, не шевелясь. Дождались. Что там было – никому не известно, но чеченка вылетела с крыши девятиэтажного дома. Боец клялся, что сама сиганула, чтоб в плен не попасть. Опера особо не свирепствовали, зная, что вытворяют снайперы-женщины. Стреляют нашим бойцам в пах и не подпускают его вытащить.

Офицеры, отпустив мохру, представляются. Один, по имени Сергей, плотный, с красным лицом, предложил чаю или чего покрепче. Останавливаемся на чае.

– Звонили насчет вас, предупреждали, – заваривая чай, говорит Сергей. – Чтобы с материалами вас ознакомил по Снопку Николаю. Достает две распухшие папки из сейфа. Тут вся его история с первой войны – знакомьтесь...

– Мы это пару суток читать будем, – говорю я, взвешивая

папки, – можно своими словами охарактеризовать этого во-
яку, мы через него хотим серьезный обмен провести?

– Характеризую своими словами – он и нашим, и вашим. Выводил мирное население под обстрелами, жизнью рисковал. Но то, что с мирными и бойки вышли, тоже факт. Имеет обширные контакты с чеченцами, было пару обменов. Оружием, конечно, он не торгует, но и себя не забывает. Доплачивают ему чеченцы за помощь всякую. То в комендатуре кого-то ищет, то в Чернокозово. От артобстрелов иногда отговаривает. Мол, село там и мирное население. А что там в горах – пойди разбери, никто толком ничего не знает.

– Да, интересный тип, – задумчиво проговорил Рыжков, забыв о чае. – А что его не уволят?

– Да полезный он, ходит на переговоры в села, если о чем-то договориться надо с боевиками или старейшинами. Надо отдать должное – ничего не боится. Так что думайте, чтоб он вас не обмахорил, страхуйтесь! – закончил Сергей. В задумчивости выходим из вагончика.

– Какие мысли? – и вступаю в грязь чистыми берцами.

– Поехали к легчикам-вертолетчикам в Моздок, там решим! Тем более в Моздоке надо встречу провести, – отвечает Дима и идет к «Волге». До Моздока пилить через пол-Чечни.

– Боюсь, до комендантского часа не успеем, – говорю я, садясь в машину. Рядом проехал танк, обдав нас жирной непе-

реработанной соляркой. Наша белая «Волга» на фоне грязной техники смотрится комично. – Как получится, – отвечает Дима и заводит машину.

VI

Дорог почти нет, побиты тяжелой техникой и воронками. Понимаем, что до комендантского часа из Чечни не выскочить. Останавливаемся возле поворота в предгорный населенный пункт. Блокпост стоит возле разгромленной в щепки деревни. Видим ГАИшников, настоящих, в форме, с палками – смешно. Как валенки летом. Останавливаемся поговорить и навести справки.

Вокруг валяются стреляные гильзы, свеженькие, цвета лимонных леденцов, и потускневшие. Со стороны мрачных гор методично доносилось «бум-бум». Артиллерия крошила горы.

– Здорово, славяне! – обращаюсь к капитану в португее. Магазины скручены, в карманах отвисают гранаты, видать, беспокойно у них.

– Здорово, коль не шутите! – отвечает капитан небольшого роста со смышленным лицом и детской улыбкой. Подойдя ближе, вижу свежий шрам над левой бровью. Увидев мой взгляд, капитан поясняет:

– Прямо здесь осколком чиркнуло, тут же и зашили, стыдно было в госпиталь с такой царапиной ехать. Меня Петром зовут. Капитан Шиков Петр, – добавил он. Тоже представля-

юсь. Дальше стандартные военные разговоры: откуда, сколько осталось, часто ли обстреливают.

Капитан охотно отвечает, соскучившись по собеседникам. С Урала, стреляют часто, через 10 дней пересменка...

Тихонько осматриваюсь. Вокруг разрушенные дома, вывороченные с корнем деревья. Местами виднелась сгоревшая брошенная техника. Вдалеке стоял сожженный танк с оторванной башней и разорванными гусеницами. Рядом покоился БМП, у которого броня потоньше и сам он полегче. Его разорвало в куски.

– Да, бои здесь были сильные, не ожидали наши такого сопротивления. Окопались чехи, ошетинились и сожгли технику. Авиацией утюжили. Ничего от села не осталось, – комментировал ГАИшник.

– А ты-то чего в форме? Всю Чечню проехал, а таких Дед Морозов еще не видел! – подкальываю капитана.

– А как же, порядок наводим конституционный, органы власти восстанавливаем. Куда ж без ГАИ! – отшучивается Петр. Рыжков в это время беседует со вторым ГАИшником, лицо Димы озабочено, подходит ко мне.

– Не успеем выехать, да и боевики здесь совсем дерзкие, горы рядом. Придется на блокпосту спать, – подводит итог Рыжков.

Отхожу за угол отлить. Вглубь разрушенных домов не захожу – опасно, могут быть мины. Оставшиеся стекла в окнах

стали серыми с желтым налетом. На земле валяется большая фотография – темноволосый мальчик стоит у кромки моря, под мышкой у него облупленный пенопластовый дельфин. Поднимаю фотографию и кладу на разбитый комод, который разинул, как пасть, пустые ящики.

Вдруг воздух запел, заскрипел, раскалился, пронзенный потоком пуль. Падаю прямо в свою мочу. Страшно и смешно. За автомат хвататься или ширинку застегнуть? Решил застегнуться. Перевернулся в сторону гор и зеленки. Петр буднично палил в сторону гор из-за мешков с песком.

В предвкушении схватки жизнь снова обрела напряженность, появившаяся опасность стимулировала, все чувства обострились до предела. Состояние – будто в коровнике неожиданно потянуло свежим морским воздухом.

Пальнул и я. Куда стрелять и откуда прилетело – не знаю. Спinoй же стоял. Лежим перекликаемся. Шиков кричит:

– Это какой-то дурачок с гор несколько дней палит. Наверное, из села кто-то ходит. Выходит, по обойме выпускает и тикает. Нашим в село сообщали, никак не могут вычислить – мальчишка, наверное. Все стихло. Война закончилась.

Приглашают на блокпост. Подтягиваются с позиций контрактники, нескольких вообще не видел, хорошо маскируются.

– Спать на полу, господа разведчики, – обращается к нам старший блокпоста, представившись Михаилом. У него светлые серые глаза и бархатные брови, похожие на шмели-

ную шерсть. Светится и улыбается как будто килограмм полония съел.

– Хоть стоя, как лошадь, – весело отвечаю я, – лишь бы не в дороге в комендантский час.

Михаил приглашает за импровизированный стол. Странно, но водки на блокпосте нет. Достаем тушенку и колбасу, ужинаем с чаем. Миша рассказывает, как в 95-ом входил в составе Восточной группировки в Чечню:

– Бардак был невозможный: ни связи, ни четких приказов. Отвлечь внимание от основного направления наступления. Отвлекли... Сколько народу положили, досталось почти как Майкопской бригаде. Аргун в тылу оставили с боевиками и тяжелой техникой. Они на обратном пути нам и всыпали. Действительно, потери у Восточной группировки были высокие и неоправданные.

Прилег на грязный матрац, который нашел Миша. Разговаривать неохота. Прикрыл глаза – заснуть не могу, мужики играют в шашки, шелестят газетами, курят.

Кто-то рассказывает о том, как загремел в госпиталь, попив воды из Сунжи. Есть такая небольшая речушка, которая протекает через всю Чечню, в том числе и через Грозный.

– В ней сколько трупов людей и животных плавает, и там такая зараза с бациллы, что рога с хвостом вырастут, – говорил неизвестный.

Долго не могу заснуть, ворочаюсь на затхлом матрасе. Вы-

рубил свет, кто-то зажег керосинку. Запах копоти от старой керосиновой лампы вперемешку с запахом пота от 15 мужиков и застарелой пылью заполняли собою все помещение.

Снаружи что-то стучало, вернее – постукивало, непрерывно и мелко. Перестук начался давно, слышу его сквозь дрем. Вырываюсь из мутного сна, шарю рукой в темноте в поисках автомата. Вижу острый красный глаз папиросы. Петр курит, тихо говорит:

– Это доска стучит от ветра, – тихо говорит Петр, – в разбитых домах. Ищем неделю, не можем ее найти, чтобы оторвать. Спи, не ссы! Успокоившись, засыпаю.

Утро – грязное солнце, землю еще обнимал слоистый туман, похожий на порванную фату. Прощаемся с мужиками и искренно благодарим за приют.

VII

Через несколько часов без происшествий добрались до Моздока. Рыжков поехал встречаться с особо ценным источником, меня высадил в городе. Стою несколько минут как сурикат возле норы, глазами хлопаю. На улицах смешались гражданские с военными, шныряет военная техника. Долго не могу найти место, где можно перекоротать время.

Моздок – перевалочная база федеральных войск. Торговцы, милиционеры, проститутки. Про последних говорят: «Если бы все проститутки светились, то в Моздоке были бы белые ночи». Женщины ехали в Моздок со всей страны, из городов и деревень. У военных венерические заболевания. Долечиться никто толком не может, антибиотики пьют с водкой. Ночных бабочек ловили, они опять прилетали. Одна ярко накрашенная девушка, похожая на удивленного поросенка, подмигнула мне. Вздрыгнул и ускорил шаг.

Увязывается ребенок – идиот с довольно милым немного бульдожьим личиком. Пухлый и беспомощный. Он улыбался, показывая редкие и мелкие, как рис, зубы. Ноги у него морщинистые, как у младенца. Не зная, как отвязаться от несчастного, купил ему мороженого и опять перешел на ускоренный шаг.

Сижу на грязной лавочке во дворе, наблюдая за беспечны-

ми воробьями. Как и предполагал, ждать пришлось дольше, чем обещанный час. На Кавказе время имеет свое нестрогое измерение, здесь редко кто планирует свой день по минутам.

Дима приехал неожиданно и, резко остановившись, брызнул в стороны мелкой щебенкой. Машет рукой, мол, быстрее садись. Падаю на переднее и захлопываю дверь. Рыжков газует, и мы срываемся с места.

– Че нервничаешь? – спрашиваю и тянусь за автоматом, который оставил на заднем сидении.

– Так проверяюсь, – отвечает Дима, опасно маневрируя на дороге. Напрягаюсь и смотрю назад. На хвосте болтается шестерка. Местные номера, в машине то ли двое, то ли трое мужиков, все затонировано. Понятно. Гонки продолжаются до первого шлагбаума нашей части возле Моздока. Шестерка отстает, мы выдохнули. Долго проверяют документы, наконец-то подняли шлагбаум, въезжаем.

Здесь все по-другому: чистые солдаты, большой плац, спортивный городок. Часть напоминала мое военно-пограничное училище в Голицыно. Покрашенные бордюры, стриженные деревья, передвижение только строем. Нас встречает срочник из дежурного наряда и ведет в расположение вертолетчиков.

Вертолетчики – это особая каста на войне, на этих людей смотрят с уважением и почтением. Иногда военная стрелка – единственное связующее звено между смертью и жиз-

нюю. Когда становилось неимоверно опасно и трудно, у солдат остается надежда только на вертолеты. И летчики, постоянно рискуя жизнью, выполняли свою работу, спасая тысячи жизней.

В декабре 1999 года вертолет Ми – 8 под командованием Владимира Алимова получил около 100 пробоин, но вернулся в Моздок и спас 35 окруженных военнослужащих федеральных сил. Я видел этот вертолет. Вместо Ми – 8 на аэродром вернулось... решето.

Каждая посадка в горах – высший пилотаж, ювелирная работа. Горы на Кавказе таят множество вероломных и подлых сюрпризов: ограниченная видимость, разреженный воздух, минимум маневренности.

Вертолетчики очень дружные и сплоченные ребята. Хлопочут и переживают за свой экипаж. Нам известно, что в начале 2000 года при попытке забрать раненых был сбит Ми – 8. Сбили «аккуратно», весь экипаж выжил. Долбанули из РПГ, научились чеченцы стрелять из этого простого, но грозного оружия. Трех членов экипажа взяли в плен.

Офицеры, тем более летчики, не контрактники – «товар» серьезный. Их можно обменять, продать, заставить дать поганое видеообращение, мол, «раскаялись, не против тех воевали». Они были живы, об этом знали и федералы, и полевые командиры. О том, что экипаж в плену, подтверждала и наша информация. Их братья по винтокрылым машинам переживают и пытаются вытащить их из чеченского зиндана.

До главкома добрались, а тот к «конторе» с просьбой обратился.

Поэтому мы и сидим у вертолетчиков в Моздоке. Встречает меня майор, представляется Григорием. Майор с высоким лбом, сверху к которому прилегали зачесанные набок, коротко подстриженные густые черные волосы, смотрел большими синими глазами. Взгляд умен и открыт, как у каждого честного человека.

Григорий ведет по темному коридору. Заходим в спальное помещение на двоих. Майор быстро достает сало и копченую утку. По меркам войны стол накрыт с римской роскошью. Не жалеючи, летчик ставит на стол пятизвездочную дагестанскую Лезгину. Рыжков ушел на доклад, потираю руки, можно разговеться.

– Пить будешь? Не трезвенник? – спрашивает он, нарезая сало. Режет длинным ножом ручной работы. Нож красивый, наверное, «местный» или трофейный.

– Не пьют только электрические столбы, потому что у них чашки перевернуты, – шучу я, пытаюсь разрядить первые неловкие минуты знакомства. Рассматриваю жилье летчиков. Все аскетически просто, но аккуратно, даже кровать заправлена и, кажется, отбита досточками, как у срочника. Спрашиваю: а где народ?

– Кто летает, кто на занятиях, – отвечает Григорий и умело разливает тягучий коньяк по граненым стаканам. По ком-

нате пополз приятный запах качественного напитка. С Каспийской базы передали, коньячок-то. Настоящий, с завода.

Выпили за знакомство. Алкоголь приятно прошелся по горлу и мягко разлился по желудку. Аккуратно беру ножку копченой утки и закусываю. Григорий закашлялся. Кашлял долго. На лбу у него надулись синие жилы. Лоб побагровел, глаза заслезились, покраснели. Болеет.

– Что не лечишься? – спрашиваю Гришу, обкусывая вкусную ляжку птицы. Ем не спеша, хотя последний раз кушал вчера на блокпосту. В комнате бубнит старый радиоприемник – будто кто-то говорит через прижатую ко рту варежку.

– Когда лечиться? Народа не хватает летать. Опытных летчиков полтора вареника. Хорошие или уже мертвые, или в дурдоме. У нас вон на той неделе из группы забрали в психушку одного. Долетался... Майор налил по второй. Чокнулись, за удачу.

– Головой дуркануть – еще ладно, вылечат. А не дай бог инвалид? – продолжил беседу майор. Вон у нас Сергеев упал – выжил. Позвонок только треснул. Были и друзья на «гражданке» и жена, сначала они предлагали помощь. Через год друзья стали только звонить – «ты там держись». За что держаться, когда ты лежишь, как кулек! – философствовал Григорий. Жена начала нырять по мужикам. Одна мать осталась и мы. Не, уж лучше сразу, на глушняк. Замолчали, каждый думал о своем.

Не чокаясь, третью, за тех, кого с нами нет. Опять по-

молчали. Гриша посмотрел на меня прямо, словно изучая, и спросил:

– Поможете с ребятами? – и достал из стола фотографию, где стояли около пятнадцати человек. Вот они – Круглов, Аязов и Домушкин. Домушкин Гришка, тезка – командир экипажа, широкой души человек. Знает много анекдотов, историй, розыгрышей, душа компании. А главное, отзывчивый, знаю его с курсантских времен. Понятно, думаю я – одноклассники. Григорий «хлопочет» и пытается спасти своего давнего друга. Очень правильно.

– Постараемся, не сало приехали есть, – отвечаю я и беру кусочек сала. Сало красивое, как на картинке, с прожилками яркого цвета. Откуда такой закусон?

– Мать посылку прислала, – отвечает Григорий, – точнее, передали. Через самолеты. С Украины. С Родины. Где эта Родина сейчас? С кем воюем? – начал философствовать майор. Как в Афганистане – воюешь почти со всем народом. Называют еще «операция по восстановлению конституционного порядка». А какой это порядок, никто не знал и не узнает. Кто-то здорово опять погрееет руки. Мы уж на это насмотрелись. Молчу, жую сало, неохота мне ввязываться в эти политические дискуссии.

Майор вышел и вернулся еще с одной бутылкой коньяка. На этот раз с Кизлярским.

– Не много? – спрашиваю для приличия я и смотрю в окно. Начался небольшой дождик, солдаты забежали по плацу,

как летучие мыши.

– Нормально под такой закусон, – уверенно говорит майор и разливает. За ребят, чтобы им домой вернуться! Поддерживаю и говорю какие-то слова о выручке и воинской дружбе. У майора, видать, накипело, и он снова выливает на меня поток «местечковой» информации. Понимаю, надеется, что укажем в отчете:

– Вот смотри! Все знали, что в горном районе Шали остался нефтеперегонный завод. Его не трогает ни артиллерия, ни мы. Дымит себе, бойки бабки зарабатывают. Мы командиру докладываем об обнаруженной цели. Отмалчивается. Месяц назад звено Архипова на обратном пути с задания разбило его. Специально боеприпасы оставили. Так Архипову выговор объявили, прикинь! Я понимающе киваю головой и слушаю, стараясь не запьянеть. Подходит Дима, я хитрю и говорю:

– Вот только первую открыли. Рыжков присел перекусить. Потом встал и спросил, где можно помыть руки. Очень правильный человек. Подошли другие летчики, радостно приветствуют. Сидел долго, обсуждая все «тяготы и лишения». Дождь за окном остановился и, казалось, прислушивался к нашим разговорам. Летчики постоянно вспоминали о захваченном в плен экипаже. Мы обещали помочь.

VIII

Утро яркое и свежее. Собираемся почти целый день – суэта, звонки по оперативной связи в Москву. Вертолетчики выбивают бензин и транспорт до Нальчика. Там в СИЗО сидит брат Бараева, а у нас бумаги от высших инстанций с большими синими печатями, позволяющие его забрать, без промедления и волокиты. Мне хочется пива, но труба зовет. Григорий ходит свежий и нарядный, как будто вчера не пил, а физкультурой занимался. Одно слово – пилоты!

Выезжаем с Рыжковым ближе к вечеру, наша «Волга», два УАЗа, с нами попросились два летчика. Еле отговорили. Ребята нас провожают и искренне желают удачи, в дорогу собирали перекусить. Переживают.

Езды-то всего ничего – чуть больше 120 километров, но эту поездку запомнил надолго. Одедся беспечно и легкомысленно – легкое ХБ и кепка, забыв, что УАЗ – это не уютная быстрая «Волга». На улице теплое весеннее солнце, даже немного жарко, бушлат не беру. Сопровождающие два прапора, старшие машин, в теплых бушлатах и зимних шапках. Один усатый, похожий на Чапаева, представившись Игорем, обращается ко мне:

– Ты бы бушлат взял, озябнешь в дороге! – говорит он, прикуривая сигарету. Бушлат оставил в казарме, идти дале-

ко и неохота, весело отвечаю:

– Моржую, не замерзну, – и иду на мини-совещание перед выездом. Рыжков едет самостоятельно, чтобы быстрее попасть в Управление, я иду старшим в мини-колонне, в первом УАЗике. Встречаемся возле СИЗО в Нальчике. Все понятно.

УАЗ гремит на дороге, как ведро с гвоздями, стараюсь отвлечься, смотрю по сторонам. И справа, и слева лежала горная местность. Отдельные сосны похожи на клыки хищников, вдоль дороги усохшая серая трава, которая, казалось, тревожно вздыхала на ветру. Прапорщик беседует с солдатом о последней замене масла в машине, от нечего делать напеваю какую-то мелодию себе под нос. Ночь накрыла дорогу неожиданно, словно проглотила. Казалось, бархатная темнота большим одеялом нарыла всю Осетию.

Скорость у ульяновской машины не менялась с 70-ых годов прошлого века. В салоне становится сначала сыро, потом откровенно холодно. Ползем, на спидометре 40-50 км/час. Еще не проехали и полпути, а меня начало трясти от холода, как отбойный молоток, теплый воздух с печки только впереди. От холода постоянно хочется в туалет. Пару раз остановились, становится стыдно. Терплю. Замерз, как Снегурочка на пенсии. Время к полуночи, до города 20 километров, срочник начинает втыкать. Игорь дал ему затрещину и заматерился:

– Салага, пи-пи-пи, смотри за дорогой, пи-пи-пи, маши-

ну, питон, угробишь пи-пи-пи. Дыхание у прапорщика стало, как сердитое бульканье. Наблюдаю за обоими сквозь судороги холода. Игорь постоянно поглядывает за водителем. Тот, борясь со сном, всю пучит глаза, кажется, они сейчас выпадут. Солдат жалуется, что в поездку его сняли с наряда, а ночь он вообще не спал, «на толчках заплывал». Жалуется на дедов. Прапорщик молчит, оно и понятно, деды за него полработы делают. Из рта пошел пар, стучу ногами от холода, но терплю. Игорь оглянулся назад, все понял сжалился и сказал:

– Садись на перед, морж, – и, обращаясь к солдату: – Прижмись к обочине! Водитель включает поворотник, слабо протестуя:

– Нормально, доеду, – прапорщик молча выходит из машины и открывает мою дверь:

– Иди на перед, а то околеешь. Только смотри за водилой, они спят за рулем, как суслики. Три машины уже в кювете, а с нас вычитают. Говорю «спасибо» и сажусь вперед. Оставшиеся 15 километров добросовестно рассматриваю деревенский профиль сручника.

Выезжаем в город – темно, пустынно, машин нет, где СИЗО, никто не знает. Едем по карте, постоянно останавливаясь, сверяя улицы. Сделав пару кругов, находим тюрьму, которая в темноте выглядит как строение из фильмов ужасов – зловеще и неприступно. Возле входа белеет наша «Волга». Из нее выходит Рыжков и шипит:

– Вы что, кушать заезжали? Я Вас два часа жду. Лицо Димы в темноте похоже на приведение.

– Да, и кушать, и потанцевать, – отвечаю я, делая несколько приседов. Кости громко хрустят. Околел как пес. Машины не едут, за рулем молодежь. У тебя что?

– В Управлении никого нет – кто на войне, кто в командировках. На месте, точнее, уже был дома только начальник Управления. Его беспокоить не стал, давай сами попробуем, документы все в порядке.

– Давай, – отвечаю, продолжая разминать замерзшее тело. Подходим к КПП – железная дверь, долго стучим. Железное эхо полетело гулять по улицам города. Через несколько минут открывается окошко, оттуда короткий вопрос с кавказским акцентом:

– Чего?

Представляемся, объясняем, просим открыть.

– Не открою, ждите руководство до утра! Просим вызвать руководство. Ответ:

– Я все сказал. Окошко закрывает. Стучим снова. Окошко открывается: мат-перемат. Начинаю закипать, сам перехожу на упрощенное общение, не выбирая слов. Неизвестный демонстративно подносит автомат к окошку, досылает патрон в патронник и орет нам в железную дырку:

– Пошли на ...!!! Много вас тут таких ездит! Отошли от КПП, а то шмальну! Окошко закрывается. Аргументы за-

кончились. Матерюсь и смотрю на небо, на котором скупно, чуждо мигали звезды. С высоты, казалось, издеваясь, смотрела луна. Ее тускло-желтый цвет делал ее похожей на волчий глаз. Едем в Управу.

Дежурный, молодой старлей проводит в кабинет. Уже зная от Рыжкова ситуацию, звонит начальнику Управления. Последний приезжает быстро, как будто знал, что его потревожат. Одет в короткую кожаную куртку и синие кроссовки. Молодится, хотя самому за 50. Дима коротко докладывает, объясняя ситуацию, и показывает документы на освобождение Вахи Бараева.

– Знаю, знаю, – отвечает он, – звонили с Москвы, предупреждали. И берет телефон. При нас разговаривает с начальником СИЗО, требует прибыть на рабочее место. Все закрутилось, и через полчаса уже сидим в кабинете начальника СИЗО. Тот, посмотрев документы, приказывает привести Ваху Бараева. Пауза. Рассматриваю портреты руководителей на стенах.

Хочу свести счеты, обращаюсь к начальнику СИЗО и прошу переговорить с нарядом, который посылал нас в различные мужские и женские половые органы.

– Спят они, сменились, – отвечает крупный осетин в звании подполковника. – Не обижайтесь, тут много попыток было выдернуть боевиков. И красные, и белые приходят, какие только бумажки не приносят. Заходит конвоир. Докладывает о доставке подследственного. Начальник СИЗО про-

сит завести. В кабинет неслышно заходит мужчина около 40 лет, докладывает фамилию-статью. Рассматриваю брата грозного главаря бандформирований. Тот тощий, как воробей, небольшие усики, как у Чарли Чаплина, в глазах испуг. Совсем не похож на боевика.

Ставим подписи, нас провожают до КПП, начальник Управления приглашает перекусить на чай, хороший мужик, ответственный. Отказываемся, благодарим за помощь и отправляемся в обратную дорогу. План движения тот же, только к моей руке наручниками прикован Ваха Бараев. На часах начало третьего ночи. Вспомнив о холоде, вздрогнул. Посмотрел на Ваху: тот в дешевом тонком китайском костюме. Стоит и дрожит на ветру, как зяблик. Думаю о том, что он реально может остыть в холодном УАЗике, и обращаюсь к Диме:

– У тебя бушлат с собой? Тот тоже беспечный оставил его в казарме. Объясняю ситуацию с арктической температурой в машине. Рыжков, поковырявшись в багажнике, достал старое ХБ для ремонта машины. Прапорщики тоже нашли какие-то подштанники для Бараева. Одев его под святящимся столбом, мы громко засмеялись. Ваха был похож на беспорядочника в масляной грязной пятнистой военной форме, которая на несколько размеров была больше его. Отойдя в сторону, одеваю термобелье, которое запасливый Дима возил в багажнике.

Едем, спать не хочется. Какой тут сон, когда у тебя на ру-

ке сам брат Бараева! Прапорщику все по бублику, он достает термос и бутерброды. Один молча дает срочнику. Мне показалось, что тот его проглотил вместе с бумагой. По машине разнесся запах колбасы, захотелось есть. Полез в пакет, приготовленный летчиками. Там сало, колбаса вареная, картошка. Есть одному неприлично, делюсь с Вахой. От сала он отказывается, все остальное глотает, как баклан, не шибко их баловали разносолами в Нальчике. Ваха сам начинает разговор:

– Меня, как боевика, держали, есть давали меньше, чем остальным, передачи запрещены. Помолчав, добавил: – Еще и били.

Молчу, это хорошо, что он первый заговорил. Прапорщик передает термос и пару бутербродов. От бутербродов отказываюсь, а чай пью с удовольствием. Вкус мягкий – травяной. Протерев крышку, наливаю чай соседу. Тот молча пьет. На кочке машину подбросило, горячий напиток облил Ваху и меня. Он-то пьет с левой руки – неудобно. Ваха извинился.

Вокруг густая, как сажа, темнота, ни огонька. Задаю вопрос Вахе, который притих и засопел:

– Ты-то боевик или как? И смотрю в его сторону, пытаюсь рассмотреть его лицо.

– Какой я боевик, я механизатор! Трактора ремонтирую. В горы не разу не ходил. Оружие в руки не брал. Большая семья, кормить надо. Ваха тяжело вздыхает.

– А чего тогда арестовали? – и дергаю левой рукой, на

которой наручники, взбадривая собеседника.

– Как брата Арби взяли... Приехали федералы и увезли в Нальчик. Ничего не объясняли. Только в тюрьме понял, что за какой-то «терроризм». А я механик, – повторил он. Помолчав, добавил: «Наверное, менять хотят». Сообразительный мужик! – подумал я.

Похищение людей на Северном Кавказе стало массовым явлением, как добрый вечер. Количество заложников исчислялось сотнями. Воровали строителей, журналистов, представителей власти. Человека увозили в неизвестном направлении с целью последующего его обмена или получения денежного выкупа. Грешили этим обе противоборствующие стороны. Продолжаю разговор:

– А ты с братом общаешься? Ваху передернуло: то ли от гнева, то ли от неприятного вопроса.

– Какой общаешься? Я его и не видел несколько лет. Как пошел он в эти... бандиты – террористы, больше и не видел я его. Разные у нас дороги. Да мы только по отцу брата, матери у нас разные, – помолчав, добавил: – Нет у нас ничего общего.

Угрюмое серое небо постепенно светлело, наливаясь нежным, стыдливым румянцем. Подъезжаем к Моздоку. Город в туманной дымке. На улице полная тишина, насколько возможная в городе, который никогда крепко не засыпал. Через двадцать минут идем по плацу, тишина, подъема еще в части

нет. Отвожу Ваху в туалет и снимаю с него и себя наручники. У Рыжкова глаза красные, как у кролика, но бодрится. Думаем, как бы покимарить пару часов. Нашли пустую большую комнату с несколькими кроватями без матрасов. Говорю Диме:

– Иди и поспи, ты из-за руля третьи сутки не вылезает, я покараулю. Пристегиваю Ваху к кровати и предупреждаю, чтобы не шалил. Ложусь рядом, панцирная кровать громко скрипнула, словно обиделась, что ее потревожили в раннее утро. Сон не идет, в голове каша, тревожность, пульсируют какие-то эпизоды прошедшей ночи. В комнате смешался затхлый мужской пот и мышьяная вонь. Ваха как ни в чем не бывало захрапел. В конце концов тревога ушла, оставив странную зудящую пустоту. Проваливаюсь в забытие на полтора часа. Будит Дима, уже выбрит и пахнет одеколоном.

– Иди в столовку поешь и этому принеси. Ваха не спит, он кажется довольным, понимает, что в его жизни происходят перемены в лучшую сторону. А самое главное – не бьют и кормят.

Ползу по плацу, как жук беременный. Вокруг порядок и дисциплина. Строем ходят взводы солдат, командиры орут «выше ногу, держим строй!». Абсолютно не вписываюсь в порядок, царящий вокруг – мятый, небритый, грязный, без знаков отличия. Неожиданно раздается крик. Не обращение, а именно крик:

– Военный, почему без знаков различия? Рядом стоит де-

журный по части. Подполковник весь блестит – от начищенных сапог до кокарды. На руке красная повязка, рассмотрев меня внимательно, он впадает в истерику:

– Почему расстегнутый и грязный? Ты вообще пи – пи – пи? Мне казалось, что он меня сейчас сожрет. Глаза выпучил, нервничает, как пит буль перед схваткой, и мнет португалею. Прекращаю истерику, достаю ксиву и представляюсь, объясняя ситуацию. Подполковник сдулся, но все равно плюнул в спину:

– Понаехали, застегнись хоть! Отвечаю: есть и топаю дальше. Нежаркое весеннее солнце лениво встает над Моздоком. Оно светит снопом сияющих красок, словно слетевших с палитры восторженного живописца. На холодной синеве неба тает белоснежное маслянистое облачко. Никогда не подумаешь, что рядом в горах снуют боевики, гибнут люди, и идет война.

IX

Пленных летчиков мы так и не получили. Как оказалось позже, Снопок, которому мы передали Ваху Бараева, выцыганил за брата полевого командира 6 тысяч долларов США, собранных по копейке родственниками механизатора. А мы получили по шее. И ничего нельзя было изменить, время шагнуло вперед, оставив все позади.

Арби Бараев был убит, как собака, в июне 2001 года и похоронен на соседнем кладбище, а не родовом селе, где он расстрелял несколько человек. Его брат, надеюсь, и по сей день трудится механизатором у себя в Алхан-Кале.

И правда в этой истории посередине – на одном конце невинный чеченский крестьянин с хитрым Снопком, а на втором – наши летчики. Война отбирает правду и мораль. Жизнь на войне – это как горная река, которая болтает тебя в водовороте событий как ничтожную щепку из сторону в сторону. И ты ничего особо не можешь сделать, чтобы изменить свое плавание, погружаясь в безумный водоворот людских судеб и трагедий.

Самое главное, что господь Бог отвел смерть от вертолетчиков. На самом деле они были у Гелаева в селе Комсомольское, и освобождали их другие люди. Но это уже другая ис-

тория...

Художник обложки – Петрушко Эдуард Павлович.